

Из искры раздувает пламя

ПОХИЛЕНКО Николай Петрович – выпускник НГУ 1970 г. Член-корреспондент РАН, доктор геолого-минералогических наук, директор Института геологии и минералогии им. В. С. Соболева СО РАН (Новосибирск), профессор. Специалист в области геохимии, минералогии и петрологии кимберлитов и литосферной мантии, процессов формирования алмазных месторождений и методов их прогнозирования и поиска. Первооткрыватель алмазного месторождения мирового класса Снэп Лейк (Канада). Член Американского геофизического союза, член Ассоциации промышленников и поисковиков Канады. Обладатель Международной Алмазной награды им. Хьюго Даммета. Автор и соавтор более 200 научных работ

Никто не спорит, что вуз, где ты получил образование, во многом определяет твою будущую судьбу. Университет дает хорошую фундаментальную подготовку, но для дальнейшей «полировки» выпущенного «образца» необходимо интенсивное самообразование, потребность в котором проявляется много раньше. Возможно, тяга к знаниям заложена в генах, и она может проявиться рано и развиваться потом где угодно: хоть в университете, хоть в деревенской школе. Главное, чтобы тебе повезло, и среди твоих учителей оказались люди, способные зажечь и раздуть эту искру

Мы жили в маленькой алтайской деревушке – отделении Мамонтовского зерносовхоза. Население – русские, украинцы и немцы, примерно в равной пропорции. Жили все бедно, но отношения между людьми были душевные.

Когда я пошел в школу, мне еще не исполнилось семи лет. Школа была только начальная – обычный саманный домик, две комнатки. Понятно, что разным классам приходилось учиться вместе. А пятиклассники-семиклассники ходили на учебу в центральную усадьбу за пять километров.

Директором школы был М. С. Лункин – фронтовик, старший лейтенант, окончивший после войны учительский институт. Именно ему я обязан своим увлечением физикой. Ее он преподавал потрясающе – к примеру, для демонстрации короткого замыкания втыкал два провода в розетку.

И первые подшивки научно-популярных журналов я увидел именно у него.

Читать я выучился рано, в пять лет: старшие сестры прислали книжку «Мальчиш-Кибальчиш», а прочесть мне ее никто не хотел. И такое зло взяло, что взял, и вот так, махом, читать научился. И после начал читать все подряд – была просто физическая потребность в чтении. Тогда такие писатели, как Драйзер, Фейхтвангер, Голсуорси, издавались целыми сериями – сериями и читал. Журналы «Наука и жизнь», «Знание – сила», «Техника – молодежи» прочитывал буквально от корки до корки. В старших классах прочитал даже 16 томов Нюрнбергского процесса – мне и это было интересно.

Когда, как нормальный деревенский пацан, после седьмого класса я собрался поступать в совхозное училище механизации, наш директор Михаил Сергеевич пришел к родителям и сказал: «Ему обязательно надо учиться дальше». Так он и «благословил» меня на учебу в средней школе – уже далеко от дома, в районном центре.

В геологи пошел временно

Получилось, что уже с 13 лет я привык сам на себя рассчитывать и сам за себя отвечать. Правда, отличником не был, но по физике, математике, химии были пятерки, в физических олимпиадах участвовал. И при этом был крайне шустрым – времени хватало на все. Как любят выражаться, вел активную общественную жизнь. Был редактором и художником школьной газеты; при районном комитете комсомола мы создали опергруппу следить за порядком – в то время в глубинку из больших городов высылали так называемых тунеядцев, так что поножовщины и преступности хватало.

Пришлось поработать даже директором кинотеатра на общественных началах. Единственный кинотеатр в нашем районном центре закрыли из-за его нерентабельности, и ребяташки остались без фильмов. Я пришел на бюро райкома партии и устроил скандал. Мне сказали: «Ну, раз ты такой бойкий, то и решай проблему сам». К тому времени у меня был уже четвертый разряд электрика, полученный в школе на производственной практике. И мы организовали бесплатный детский кинотеатр.

Как и многие в то время, еще в школе увлекся радиотехникой – собирал приемники. У солдата с казахстанского ракетного полигона за гармошку выменял трехлитровую банку деталей – транзисторов, сопротивлений, конденсаторов... Хватило на целый год.

После окончания школы я серьезно собирался заняться электроникой. И в Новосибирск поехал поступать на факультет промышленной электроники в тогдашний НЭТИ. А товарищи, что со мной поехали, решили стать геологами, на романтику их потянуло... Они меня

Первый настоящий полевой сезон после 1-го курса НГУ. Верховья реки Оби. 1966 г.

и убедили подать документы на геофак НГУ – чтобы общежитие получить, да и на консультациях подготовиться к экзаменам получше.

Дальше – больше. Посоветовали пойти на экзамены: «Если здесь сдашь, то дадут справку, и без экзаменов поступишь в НЭТИ. Если провалишься, то останется второй шанс поступить». Экзамены сдал хорошо – дело за справкой осталось. Но, как говорится, человек предполагает... Сдавая экзамены, успел влюбиться, и вместо собрания на факультете мы отправились в кино, на фестиваль чешских фильмов.

Как известно, может и любовь до добра не довести. Придя через два дня за пресловутой справкой, вызвал негодование секретаря приемной комиссии: «Ты не хочешь учиться, а кого-то из-за тебя не зачислили. Сейчас вот отправлю твои документы в военкомат, чтобы там уму-разуму научили». Расстроился я и решил поучиться хотя бы один курс, а потом уйти. Думал тогда, что пошел в геологи временно, а оказалось – судьба.

Национальный танец ёхор на якутском празднике лета. Начало полевого сезона после 3-го курса НГУ. Якутия, п. Нюрба. 1968 г.

Плохо учиться было стыдно

На геофак тогда (помимо отделения геохимии) набирали 25 человек. Учиться было легко. После первого курса мы с Толей Томиленко (нынешним моим заместителем в институте) попали на очень специфическую практику. Шли на двухмоторных лодках по Оби, искали в береговых четвертичных отложениях палеофауну, собирали образцы для палеомагнитных измерений.

Представьте себе – нам по 19 лет, лето, речка, деревни по берегам, а в них – море румяных девчонок... Потом к нам присоединился теплоход «Исследователь», где были каюты, самогонный аппарат – все как следует. Понравилась нам такая практика, да еще и денег за работу получили.

После такого полевого лета я раздумал уходить. К тому же ко второму курсу постепенно начал просыпаться уже осознанный интерес к геологии.

В то время нас на факультете с первого курса учили такие люди, у которых нам просто стыдно было плохо учиться. Блестящие ученые, они подавали нам пример одним лишь своим присутствием, не говоря уже о том, что и преподаватели они были выдающиеся.

Помню, как я сдавал экзамен по геокартированию профессору И. В. Лучицкому. Игорь Владимирович был человек очень строгий, такой рафинированный интеллигент – столбовой дворянин, отсидевший в свое время в лагерях. Страшновато было к нему идти. Но взял билет, смотрю – все знаю, пошел без подготовки. «А давайте, – говорит, – не по билету побеседуем». Согласился – а что еще делать, не убежать же? Мы сидим, разговариваем. Потом он спрашивает: «Есть еще желающие? Нет? Ну, тогда продолжим». В конце разговора услышал: «Вы знаете, Николай Петрович, беседа с вами мне доставила истинное наслаждение. Я с большим удовлетворением ставлю вам «отлично».

После похвалы такого человека выходишь окрыленным, неделю буквально летаешь...

А вот у академика В. С. Соболева, который в то время был деканом нашего факультета и читал у нас спецкурсы, был другой метод. Бывало, подходит: «А вот что вы, Коля, делаете? Зачем?» Объясняешь. «Чушь собачья, не может такого быть». – «Как не может?!» Он вот так заведет тебя, и ты потом неделю днями и ночами ни

◀ Бригадир электромонтажников студенческого стройотряда на строительстве обогатительной фабрики рудника им. Матросова. Колыма. 1970 г.

Свежеиспеченный кандидат наук. Академгородок. 1974 г.

письмо в Амакинскую экспедицию своим ученикам, и вы сможете поехать туда на практику».

Якутские университеты

Вот так и случилось, что после окончания второго курса в конце мая 1967 г. я уже летел в Якутск. Там, на базе Амакинской экспедиции, просидели около трех недель – ждали погоды. Нужно было на Ли-2 перелететь в п. Оленек и оттуда, уже на вертолетах – в тайгу. В качестве транспорта у нас было сто вьючных оленей, а сами мы должны были передвигаться пешком.

...Из этой сотни оленей к концу сезона сдохло тридцать шесть. Год оказался невиданным по обилию гнуса – и потом никогда не наблюдалось даже трети такого количества кровососов. Пальцы распухли как сосиски, кожа на лице от диметилфталата начала трескаться, а работать в накомарниках было невозможно душно.

Этюды якутского полевого сезона на р. Оленек. 1983 г. Фото В. Новикова

Единственно, о чем тогда думал: «...чтоб я когда-нибудь еще сюда приехал... Если останусь живой, то пусть мне этот ужас только в страшном сне будет сниться».

Не все выдерживали. Парень из Воронежского университета, работавший в соседнем отряде, через две недели такой жизни схватил двустовку и начал кричать – с первым рейсом его отправили назад, на «большую землю». Но я как-то перетерпел самое страшное время – июль-начало августа, а потом прошли грозы, слегка похолодало, и гнус пошел на убыль.

К концу августа я был уже опытным полевиком, научился ориентироваться и хорошо ходить по тайге. Моими учителями в полевом «университете» стали прекрасный геолог Ф. Ф. Брокфогель, из ссыльных немцев, и Ю. П. Белик – известный исследователь из очень интеллигентной семьи (его отец был деканом Харьковского университета).

Юрий Петрович приехал в Сибирь по своей воле. Умный человек и замечательный геолог с хорошим чутьем, он был прекрасным учителем, хотя при этом и очень жестким. Никаких «слуней» – гонял, как в армии хороший прапорщик-хохол гоняет, до крови. Я ему очень благодарен, потому что, по-моему мнению, геолога только так и нужно учить. Впоследствии, сам став руководителем и учителем, я своих ребят так же посылал в самые тяжелые места, чтобы они там себе

о чем больше думать не можешь. Потом он опять приходит: «Ну, и что у вас там получилось?» – «А вот то-то». – «Хорошо, это надо публиковать».

В. С. Соболев любил раздражить человека и заставить его доказывать свою правоту. У него самого судьба тоже была очень непростая. В восемь лет остался круглым сиротой, на воспитании у теток. Отец его, артиллерийский полковник, участвовал в первой мировой войне и погиб, а вскоре и мать убили белобандиты. С тринадцати лет фактически учился самостоятельно, подрабатывал. А в тридцать уже стал профессором Горного института.

Именно с Владимиром Степановичем Соболевым на втором курсе у меня состоялся разговор, ознаменовавший очередной поворот моей судьбы. Меня тогда увлекли метеориты, по которым я писал курсовую.

И вот однажды играли мы, как обычно, в вестигбол в перерыве в футбол, пиная вместо мяча мешочек из-под образцов, набитый тряпьем. Как на грех, мимо шел Владимир Степанович, и вот этим мешочком я и попал ему прямо в голову. На второй день меня вызвали в деканат: ну все, думаю, пропал. Смотрю, а на столе моя работа лежит. И Владимир Степанович начал со мной беседовать: «Изучая метеориты – осколки разбившихся планет, можно понять, каким образом они сформировались. А ведь и на Земле есть вулканы, которые глубинное вещество выносят. Причем метеориты можно всю жизнь искать, а наши же кимберлиты и алмазы изучать гораздо проще. Если хотите, могу написать рекомендательное

доказали, что что-то могут, что-то значат. Чтобы, переломив страхи, поверили в себя.

...От моего первого полевого сезона осталась масса незабываемых воспоминаний. Так, однажды в конце сентября я пошел в одиночный маршрут. Нужно было перейти через два перевала и две речки, чтобы выйти на старые шурфы – маленький пятачок в тайге, до которого по прямой от лагеря 54 км. С собой взял компас, топорик, молоток, маленькую лопатку, а вместо палатки – чехол от спальника. Задача была – найти шурфы и взять образцы кимберлитов. На все это дело давалось три с половиной дня.

Место нашел довольно быстро и страшно обрадовался. Но так как подустал, то возвращаться решил не торопясь. Уже было поздно, когда на высоком берегу речушки нашел хорошее местечко для ночлега рядом со старым лабазом. Нарубил веток, сделал под лабазом схрон от ветра и мягкий настил из лапника. Начал моросить мелкий противный дождь, похолодало, а у меня – костерок, гречневая каша с тушенкой, чай... Натянул на себя все, что было – и сладко уснул. Еще

перед сном заметил, что сверху свисают какие-то нитки, но разбираться не стал – усталость взяла свое. Рано утром обнаружил, что это были волосы покойницы, уже мумифицированной, а лабаз – традиционным погребением местных жителей. Я так рванул оттуда, даже чай пить не стал.

...Да, школа первого полевого сезона в Якутии оказалась очень жесткой. Потом я проработал там 26 сезонов, и уже ко второму стал начальником экспедиционного отряда. В институте все сезоны брал на себя ответственность по организации полевых работ на якутском севере, самых тяжелых и сложных. Почему? Просто понял к тому времени, что в любом деле кто-то должен брать на себя ответственность за риск.

Посланцы глубин

После окончания университета я не стал поступать в аспирантуру, а сразу пошел в институт, где за три года написал кандидатскую. Занялся сразу двумя направлениями,

Оленекские флибустьеры

из которых первое было чисто экспериментальным. Я придумал первую камеру с инертной средой, заполненной аргоном, где можно было проводить высокотемпературные эксперименты с минералами, которые окисляются в атмосфере. Идею воплотил в жизнь – сделал прибор своими руками.

Камерой стали пользоваться мои коллеги, и я сам после защиты диссертации провел в ней первый эксперимент с кимберлитом. Это не очень увлекло меня тогда, но тезисы, опубликованные по результатам эксперимента, получили широкую известность – в них содержались единственные на тот момент данные по высокотемпературным исследованиям включений в этих магматических породах. Это направление, которым с большим успехом впоследствии занимался мой ученик А. В. Головин, в мире сейчас интенсивно развивается.

Отдых в «одноместном номере». Якутия, р. Оленек. 1983 г.

30 Нет хлеба, и сухари в сырое лето все заплесневели? Не проблема: за 4 часа из пустой бочки соорудили печь, еще через 12 часов – 24 булки пышного и душистого хлеба были готовы к употреблению. Слева направо: пекарь и дизайнер печи Н. П. Похиленко, подмастерье – Н. М. Подгорных. Якутия. 1978 г.

Обед в «полевом ресторане». Якутия. 1980 г.

Бородатый ученик-геолог с учителями: усатый гуру – легендарный поисковик-алмазник Ю.П. Белик, безусый гуру – чл.-кор., ныне академик РАН Н.В. Соболев. Якутия. 1983 г. Фото В. Новикова

Но самого меня больше интересовало устройство литосферы – коры и верхней мантии Земли. Сведения о нем можно получить, исследуя кимберлиты, которые играют роль транспортеров, выносящих к поверхности не только алмазы, но и обломки глубинных пород. Это стало основной темой всей моей научной деятельности.

В 1977 г. (мне было тогда 30 лет) в США прошла Вторая международная конференция по кимберлитам, куда меня пригласили с докладом по генезису ультраосновных алмазов, представляющих собой большую часть кимберлитовых алмазов. Прежде считалось, что эти алмазы кристаллизуются прямо из кимберлитовых расплавов. Мне же удалось в якутской кимберлитовой трубке «Удачная» найти ксенолиты (обломки) материнских мантийных пород, в которых и образовались эти алмазы. По признанию экспертов, открытие стало настоящей сенсацией конференции.

Якутия богата не только алмазами: пудовые таймени в здешних реках – реальность...

Буквально через год с уже более обстоятельным докладом я выступил в Кембридже на симпозиуме по кимберлитам, организованном известной алмазодобывающей компанией «Де Бирс». А потом пошло-поехало...

От теории я перешел к практике – увлекся прогнозом и поисками алмазных месторождений. В то время умы геологов волновал Архангельск, где в бассейне р. Золотицы были найдены очень мелкие индикаторные минералы (пиропы и др.), предположительно – кимберлитового происхождения. Ленинградские геологи считали, что эти обычные спутники алмазов принесло морскими льдами с востока, с полярного Тимана, где были сделаны единичные находки россыпных алмазов. Согласно другому мнению, минералы-индикаторы попали на север с запада, из оливиновых трубок Онежского п-ова.

Полевой лагерь на р. Оленек. Якутия. 1983 г. Фото В. Новикова

Участники геологической экспедиции на арктическое побережье Якутии вблизи пос. Тикси: слева направо – А. С. Родионов, Ю. И. Овчинников, Н. П. Похиленко, Б. А. Фурсенко, В. С. Шацкий, М. А. Вавилов, Н. М. Подгорных. 1980 г.

...Когда в столовой пос. Тикси бабушка-техничка увидела под столом, за которым обедали участники нашей экспедиции, пустую бутылку, то стала бурчать: «Алкоголики, пьют и бросают за собой бутылки в помещении...» Постриженный за неделю до того «под ноль» и слегка небритый Борис Фурсенко начал оправдываться: «Бабушка, это не наша бутылка, мы вообще здесь не пьем». Бабушка окинула его с ног до головы пристальным взглядом и с явным сарказмом изрекла: «Это ты-то не пьешь?!» Этот вопрос стал крылатым выражением нескольких полевых сезонов...

Пиропы были присланы Н. В. Соболеву, ныне академику, а тогда доктору наук и заведующему лабораторией, а он передал их мне. Тщательный сравнительный анализ показал, что зерна архангельских индикаторных минералов должны иметь коренные источники местного происхождения, среди которых есть алмазоносные кимберлиты. Во-первых, они были совершенно целыми по сравнению с сильно окатанными пиропами с Тимана. А от пиропов Онежского п-ова их резко отличал состав, судя по которому их источником должны быть алмазоносные кимберлитовые трубки. Результаты были изложены в отчете, подписанном Н. В. Соболевым, тогда уже признанным руководителем сибирской алмазной школы и моим научным руководителем, и мною.

Наш отчет вызвал у столичных коллег только смех: «Ребята, с вашими пиропами что-то не так. Ведь даже в малонаселенной Якутии местные жители находили алмазы и резали ими стекло. А поморы веками никаких алмазов не находили. Так что забудьте об этом». В результате такой реакции в течение двух лет мы с архангельскими коллегами продолжали работать над этой темой фактически на чистом энтузиазме.

Заведующий вновь организованной лаборатории методов поисков алмазных месторождений Института геологии и минералогии СО АН (Новосибирск). 1985 г.

«любви». Потом – Канада, хотя попал я туда совершенно случайно...

Искать алмазы на другой стороне земного шара никогда не планировал. В 1994 г. мы собирались в экспедицию в Якутию, чтобы продолжить совместные работы с «алросовцами». В предыдущий год вернулись оттуда с пробиркой алмазов, обнаруженных в месте, где по прогнозу работавших до нас маститых ученых никаких алмазоносных кимберлитов и быть не должно.

Подготовка к экспедиции шла полным ходом. Мы получали тяжеленные лодки из толстой резины и моторы соответствующие, весом под 60 кг. Взвалил я один такой на себя и прыгнул. А до этого шесть лет назад в поле повредил стопу – сломал пяточную кость, и хотя зажило все, как на собаке, нарост на кости остался...

После этого прыжка светила мне плановая операция, и потом минимум полтора месяца в гипсе. Какие тут поля, я уже и ходить-то не мог. Положение спас талантливый хирург Евгений Базаров. Сделал две серии каких-то гормональных уколов и через неделю я встал на ноги.

Когда в 1976 г. был создан Межведомственный научный совет по геологии алмазных месторождений, Владимир Степанович настоял, чтобы ученым секретарем совета стал я, хотя мне исполнилось всего 29 лет. Через год на коллегии я сделал очень эмоциональный доклад о наших результатах. Неизвестно, поверили ли нам, но, тем не менее, выделили деньги на проведение аэрогеофизической съемки, благодаря которой сразу же удалось выявить несколько аномалий. В 1980 г. началось пробное бурение самой перспективной из них. И прямо «попали» в кимберлиты – это была алмазоносная трубка Поморская. Запасы следующих открытий кимберлитовых трубок, составляющих Ломоносовское месторождение, были оценены в 12 млрд долл. – сегодня там идет промышленная добыча алмазов.

Канадская эпопея

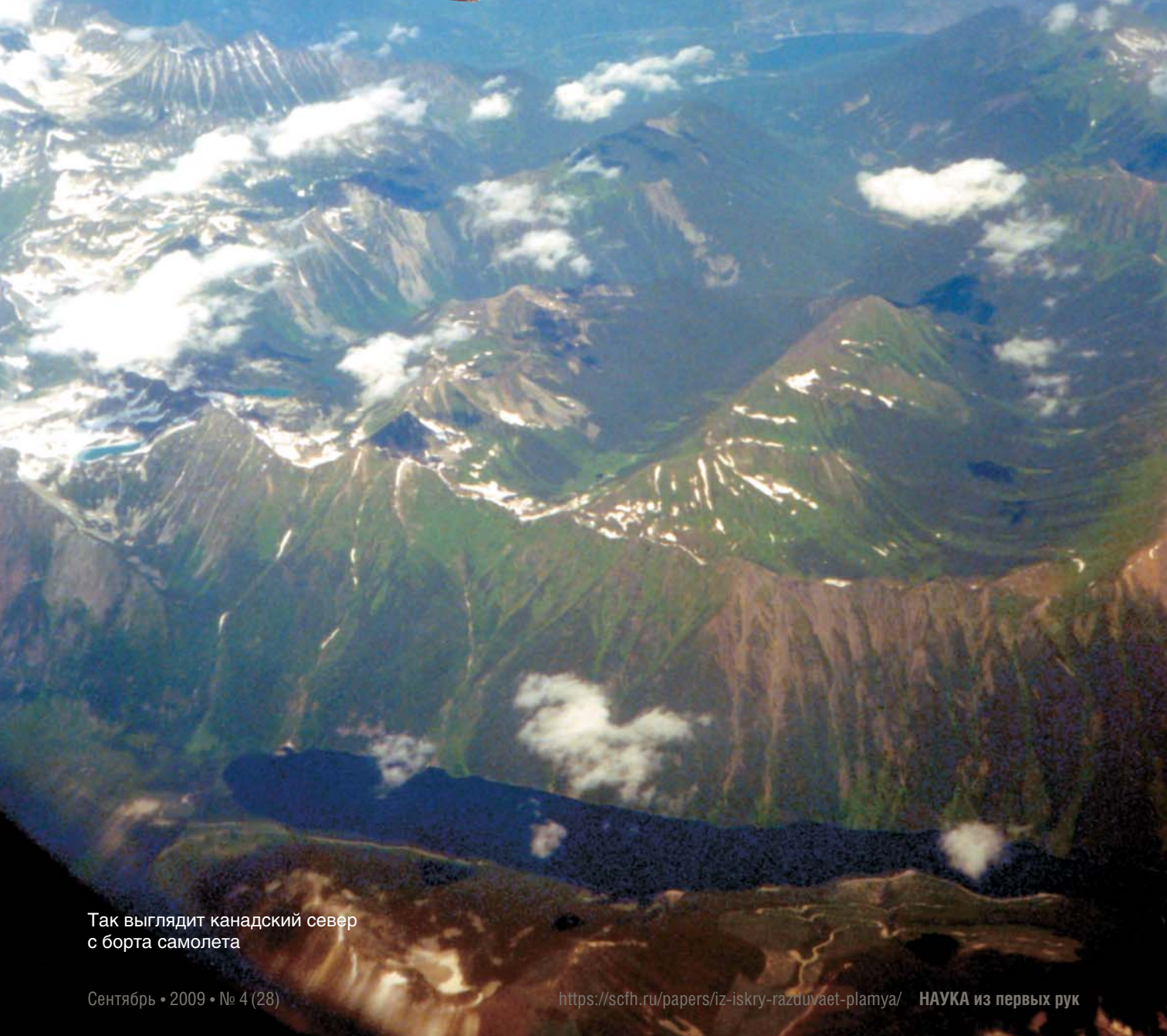
Так к сорока годам я стал признанным «алмазоискателем». После Архангельска были годы поисковых работ в Якутии – моей первой экспедиционной

На алмазной россыпи «Танюшка», названной в честь семилетней дочери. Якутия, р. Куойка. 1978 г.

Полевой лагерь геологов на ледниковом озере. Канада, Северо-Западные территории. 1990-е гг.

Так выглядит канадский север с борта самолета

Полетел с ребятами в Мирный. Я не лентяй, и тоже стал помогать разгружать, хотя ходил еще с клюкой. Увидел меня тогдашний вице-президент «Алросы» В. М. Зуев и раскричался: «Ты что, с ума сошел? Ты же или сдохнешь в тайге, или ногу ампутируют, или еще что-нибудь! Ума нет своего – моим живи». И отправил меня назад без дальнейших разговоров. Так, еще не начавшись, закончилась моя экспедиция в Якутию.

А незадолго до экспедиции мне пришло электронное письмо от канадца Д. Макдональда, где меня приглашали помочь в поисках алмазных месторождений. Пришел я с письмом к Н. В. Соболеву, он сказал, что знает этого канадца и, с учетом моих планов возглавить полевые работы этого сезона в Якутии, он сможет выкроить десяток дней для поездки в Канаду сам. Канадцы же ему ответили, что работать надо будет недель шесть и не в Ванкувере, а на севере Канады.

Когда я вернулся несолоно хлебавши из Якутии, Н. В. Соболев и предложил: «Что мне в Канаде делать? Я не полевик. Поезжай, если хочешь, сам». После проволочек с визой я прилетел в Канаду только в начале августа – довольно поздно для поисковых работ. Посмотрел, что за компания, и понял, что они никогда толком алмазы и не искали. Специалистов нет. Полетел на место, посмотрел участки...

В качестве отступления замечу, что по составу композитных минеральных включений в алмазы можно оценить условия их кристаллизации, а значит, и глубину, на которой

Соседка геологов – рыжая лисица, за неделю переставшая бояться людей и харчевавшаяся у полевой столовой (леммингов еще не было, а у нее «на лапах» было трое прожорливых лисят), заинтересовалась и содержимым банки с пивом...

На этом поисковом участке в районе оз. Снэп Лейк через два года будет открыто крупнейшее в Канаде коренное месторождение алмазов. 1995 г.

они образовались. Как оказалось, кимберлиты из обычных трубок выносят на поверхность вещество с глубин 200–210 км. При этом содержание в них индикаторных минералов, спутников алмазов, достигает примерно 20 кг на тонну, поэтому эти кимберлиты при разрушении дают на поверхности мощный шлейф рассеивания, по которому их можно обнаружить.

Но есть кимберлиты, являющиеся транспортерами минералов, образовавшихся на глубинах заведомо больших, чем 300 км. Эти последние найти очень трудно. Не потому, что их мало, а потому, что они почти никак себя на поверхности не проявляют. При очень высокой алмазоносности содержание индикаторов в таких кимберлитах в сто раз меньше – 200–300 г на тонну. Кроме того, в них отсутствуют магнитные минералы, поэтому обнаружить их геофизическими методами также не удастся.

Именно такое «неуловимое» месторождение нам и удалось впервые открыть в Канаде. Сама история открытия месторождения Снэп Лейк достойна романа. Алмазное Эльдorado скрывалось на огромной территории в 2,5 тыс. кв. км, которая шла «прицепом» к участку с двумя небольшими кимберлитоподобными дайками (трещинами, заполненными магмой). Этот

В этом образце ледниковых отложений вблизи оз. Снэп Лейк были обнаружены первые два кристалла алмазов месторождения Снэп Лейк. Их коренной источник будет открыт годом позже. Север Канады. 1996 г.

Схема расположения месторождения Снэп Лейк (Канада)

участок был заведомо бросовым – работавшие там геологи из трех компаний, включая «Де Бирс», посчитали этот район абсолютно бесперспективным.

И действительно, мы столкнулись здесь с совершенно уникальным явлением. К тому же разломы, прошедшие через кимберлитовое тело, вызвали смещение его отдельных частей. Перемещенный кимберлит, затронутый эродирующим действием ледника, дал шлейф, несоответствующий реальному местоположению основного рудного тела.

И все же через три года интенсивной работы, надежд, сомнений и разочарований, потратив 36 млн долл. на поисковые работы, мы увидели в промывочном лотке первый кристалл алмаза из нового месторождения. Дальнейшее бурение показало, что открытое нами рудное кимберлитовое тело на глубину до километра содержит алмазов на 18 млрд долл.

...Вообще работа и жизнь полевого геолога очень различается у нас и за рубежом. Что стоит для геолога одна лишь возможность использовать малую авиацию! В Якутии приходилось 85% времени работать буквально вьючным животным. От устья реки до нужного участка надо было дня два тащить на себе лодку, а потом на ней спускаться. На отработку одного места уходило дня три. А в Канаде я тратил на «дорогу» не более 15% рабочего времени. Просто садился на вертолет и летел куда нужно: весь путь укладывался в полтора часа.

К тому же у меня как у поисковика была полная свобода действий. Я рисковал, но при этом сам старался риск минимизировать. У нас же постоянно приходилось увязывать свои исследовательские планы с планами геологических экспедиций. В Канаде я сам выбирал место исследований, ни с кем не согласовывая, хотя добился этого не сразу – потребовалось три года, чтобы доказать правильность выбора, которую подсказывал весь мой поисковый опыт и знание специфики глубинных геологических процессов.

Отцы и дети

Из нашего университета за прошедшие десятилетия вышло много отличных специалистов по алмазной геологии. Академик В. С. Соболев, один из выдающихся мировых авторитетов в этой области, в нашу последнюю встречу незадолго до его кончины взял с меня слово, что я буду вести в университете группу подготовки таких исследователей.

Слово свое я сдержал – преподавал на геологическом факультете с 1983 по 1991 гг. Уже на третьем курсе набирал себе 6–8 человек – в основном ребят, но и девушки тоже были. Мы разработали для «алмазников» особую учебную программу. В нее входили не только специальные курсы по методам прогнозирования и поиска алмазных месторождений, но и более общие, например, по литологии и стратиграфии Сибирской платформы, связанные с формированием ореолов месторождений. Всех наших ребят я обязательно отправлял на геологическую практику в Архангельск, Якутию, и сам с ними ездил.

...Годы перестройки все изменили. И если бы не работа в Канаде, неизвестно, чем бы вообще закончилась наша деятельность. К счастью, тогда нам навстречу пошла отечественная «Алроса»: в Новосибирске была создана межведомственная лаборатория, и мои ребята стали получать вторую зарплату, которая по тем временам была значительно больше академической.

Из тех студентов, которые проходили у нас обучение и практику, часть осталась работать в нашей лаборатории, а другие ушли в бизнес. Так, Алексей Амшинский сейчас председатель Совета директоров «Сибэнеггорресурса»; Александр Родионов сначала работал в ЮАР в «Де Бирс», а сейчас у него своя компания.

Сегодня специалистов по алмазной геологии в нашем университете направленно не готовят. Нужно ли возобновлять эту практику? Потребность в таких специалистах, безусловно, есть, потому что геологическая служба страны фактически развалена, что не может не отразиться на будущем такой важной отрасли народного хозяйства, как алмазодобыча.

Сам я считаю, что для ученого соединять теоретическую и практическую работу просто необходимо. Ведь найти что-то ты сможешь только в том случае, если точно знаешь, как оно образовалось. Но при этом если ты настоящий геолог, то должен представлять, что такое полевые работы, должен уметь выработать правильную стратегию поиска, знать, какой комплекс методов будет хорошо работать в конкретной геологической обстановке.

Понятно, что «бытие определяет сознание». Наше поколение, отличаясь бескорыстной, даже рафинированной тягой к знаниям, отдавало предпочтение интересной работе. Сегодняшние студенты более

Рыбалка с катера в Ванкуверском заливе. Канада. 1998 г.

«приземленные», у них другое отношение к учебе, что неудивительно – им самим приходится думать о поиске места работы, о том, как прокормить семью, выучить детей... Многие из нынешних выпускников предпочтут стучать по клавишам компьютера, чем в накомарнике и болотных сапогах искать в зной и холод подтверждения своим теоретическим выводам.

Но как бы ни менялись времена, человеческая природа остается неизменной. И наш университет должен и впредь оставаться местом, где найдут понимание и поддержку новые поколения с той самой божьей искрой в душе – неутолимой тягой к неизведанному.

Фото из архива автора и к. г.-м. н. Н.М. Подгорных (Центральный Сибирский геологический музей, Новосибирск)
Автор и редакция благодарят Н.М. Подгорных и Л.Н. Похиленко за помощь в подготовке иллюстраций